

АНДРЕЙ СУШЕНЦОВ

ТИПОЛОГИЯ ПОВЕДЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТАХ

Новации 2000-х годов

Выявление причин конфликтогенного внешнеполитического поведения волновало исследователей международной политики как минимум со времен Дж. Кеннана¹. Предлагаемый текст — попытка уточнить типологию поведения государств в конфликте с учетом материалов последних двух десятилетий. Аналитическая задача статьи — сделать шаг к более строгому различению конфликта как реального взаимодействия и конфликтностью как совокупностью предпосылок, влияющих на возможность возникновения и развертывания конфликта.

1

Реалисты описывают мотивации конфликтного поведения с точки зрения инстинктов: человек по природе агрессивен, это особенность его биологического вида. Либералы полагают, что конфликт — процесс в процессе сотрудничества. Конструктивисты утверждают, что конфликт мотивируется различием ценностей сторон. Марксисты рассматривают конфликт как протест, реакцию на неблагоприятные внешние условия.

Набор мотиваций конфликтного поведения у традиционных школ узок и заключен в спектре между страхом и питаемыми гордостью амбициями. В XX веке в основе взаимного поведения государств лежал анализ рисков безопасности, учет и мани-

пулирование страхами, в отличие, скажем от Средних веков, когда спектр мотиваций был шире и включал мотивы династической солидарности, религиозной нетерпимости и мессианства, рыцарской доблести и альтруизма. В этом смысле конфликтность XX века была «беднее». Видный отечественный конфликтолог реалистического направления В.А. Кременюк выделил два мотива конфликтного поведения современных государств — борьба за выживание и амбиции правящих². Реалисты полагают, что основной побудительной силой в поведении государств является страх. Не случайно концепция «баланса сил» прежде всего подразумевает уравнивание взаимных угроз³. «Страх» определяет семантическое ядро доктрин «устрашения» (deterrence), «взаимно гарантированного уничтожения» (mutually assured destruction) и других.

С точки зрения анализа мотивов конфликтного поведения структурные вариации реализма полезны менее классических. Неореалисты вслед за К. Уолтцем абстрагируются от уровня «участников» системы, полагая его не значимым для системы в целом⁴. Та же особенность характерна для структурных версий либеральной теории в отличие от ее классических вариаций, в которых акцентируются разнообразные гипотезы мотивов поведения участников конфликта⁵. Недооценка

уровня субъектов действия вызывает критику со стороны конструктивистов, которые полагают, что абсолютизация структурализма обедняет теорию международных отношений, дегуманизируя ее.

Модернистские теории оживили структуралистские построения принесенным ими акцентом на взаимосвязи субъективного и объективного в международной политике⁶. В этом смысле плодотворной оказалась дискуссия об урегулировании конфликтов политическими средствами, одним из плодов которой стала концепция Р. Джервиса о феномене «восприятия»⁷. Сопоставлять подходы гуманитарных и социальных наук к проблематике конфликтов призывал и крупный американский конфликтолог Д. Зингер⁸. В частности, он ратовал за изучение конфликтов с позиции общей и социальной психологии⁹.

Инструментарий анализа конфликтности на уровне отдельной личности вырабатывали зарубежные школы психологии — психоанализ и гуманистическая философия, а бихевиоризм позволил выдвинуть гипотезы о макросоциальных причинах конфликтного поведения. В 1950-1970-х годах сформировались три подхода к рассмотрению конфликтного поведения. Первый представлял конфликт как производную от естественных инстинктов, реакцию на невозможность исполнения желаемого (фрустрация)¹⁰. Второй — как патологию, случай нарушения работы механизмов торможения в психике человека, эксцесс иррационального поведения¹¹. Третий считал патологией только устойчивые формы конфликтного поведения, основанные на мотивах «дефицита» или «избытка» — на этом строилась концепция А. Маслоу¹².

Использование метода А. Маслоу применительно к формам конфликтного поведения представляет значительный интерес, поскольку эта задача еще не становилась темой международно-политического исследования. Попытку создания подобной модели при опоре на методологию бихевиоризма в 1960-х годах осуществил американский конфликтолог К. Боулдинг¹³.

Следуя логике гуманистической психологии, А. Маслоу предложил альтернативное по отношению к психоанализу и бихевиоризму объяснение причин поведения. Он выделил два его вида — экспрессивное (естественное), которое отражает индивидуальность личности и не имеет цели, и функциональное, то есть целенаправленное. В концепции Маслоу человеческие мотивации предстают в виде иерархии потребностей. Низшие (базовые) — должны разумно удовлетворяться прежде, чем высшие. В иерархии потребностей на первом месте значились физиологические, затем — безопасность и защищенность, а далее преданность и любовь, самоуважение и, наконец, самореализация.

Этой концепции в общих чертах соответствовала гипотеза об иерархии человеческих потребностей, которую в начале 1990-х годов предложил американский конфликтолог Дж. Бертон¹⁴. Он рассматривал поведение человека сквозь призму (1) физиологических нужд, (2) социальных, политических и экономических устремлений, (3) ценностно-культурных детерминант. Мотивы ценностного уровня определяли, по мнению Бертона, ключевые параметры управления конфликтами — степень интенсивности противостояния и склонность сторон к компромиссу.

В своей работе «Мотивация и личность», вышедшей в 1954 году, А. Маслоу ввел положение о двух категориях биологических мотивов деятельности. Первая имела источником ощущение нехватки, *дефицита* чего-то, что считалось необходимым для выживания соответствующего субъекта. Двигателем второй было стремление субъекта к избытку, росту или самораспространению. Для удобства изложения в дальнейшем в тексте речь будет вестись о *дефицитных мотивациях и мотивациях избыточных или*, по-другому говоря, мотивах дефицита и избытка.

Первые в литературе трактуются как *нацеленные на снижение напряжения, вызванного неудовлетворенностью одной из базовых потребностей субъекта*¹⁵. Вторые — *нацелены на самомобилизацию с целью най-*

ти и испытать новые и волнующие переживания. А. Маслоу полагал, что только мотив дефицита, который он считал наиболее болезненным, способен вызвать конфликт. Однако очевидно, что и избыточный мотив обладает потенциалом конфликтогенности, который может реализоваться при определенных обстоятельствах.

Конфликт может возникнуть, если мотив дефицита начнет преобладать в действиях субъекта в патологической форме. Но конфликт вероятен и если субъект пытается снять внутреннее напряжение от самомобилизации (избыточный мотив), вымещая его на окружающих. Например, так произойдет в случае неограниченного стремления субъекта к накоплению благ в количестве, большем, чем требуется для удовлетворения основной потребности. Определенный параллелизм в этом смысле представляет собой классификация мотивов-интересов государственных субъектов, применяемой в работах российского теоретика системно-структурной школы М.А. Хрусталева¹⁶.

Отталкиваясь от логики заключений о природе человеческой мотивации, можно уточнить типологию мотивов конфликтного поведения. Под *конфликтным поведением далее будет пониматься образ действия, при котором основным инструментом достижения цели мыслится и реально выступает конфликт.*

Предлагаемое определение в оценочном смысле нейтрально и близко к английскому термину «conflict conduct» (поведение в ходе конфликта). Подразумевается, что воздействие конфликта может быть и деструктивным, и конструктивным¹⁷. Конфликт может и противостоять сотрудничеству и быть его разновидностью. Значима степень осознанности мотивов конфликтного поведения. Применяемое рационально, оно может быть основой успешной стратегии. При нерациональном подходе конфликтное поведение — источник непредсказуемых и часто взаимно разрушительных последствий.

При избыточной мотивации вероятность сохранения рационального подхода

к действиям в конфликте выше. Преобладает самоутверждающая идея «я контролирую». Так, Северная Корея воздерживается от развязывания войны против южан, хотя постоянно им угрожает. При мотиве дефицита — (само)критическое мышление притуплено. Доминирует единственная цель и оправдывающий принцип «я реагирую» (обороняюсь). В подобном случае на макроуровне бывает вероятна радикализация политического курса, например, в случае неудачного развития военной кампании (политика США в войне во Вьетнаме, действия режима Каддафи по подавлению народных волнений в феврале 2011 года), а на микроуровне — в общем ожесточении и дегуманизации поведения любых вооруженных групп (конфликты в Карабахе, Боснии, Косове, Чечне).

Есть основания полагать, что *ресурс рационального воздействия на поведение, основанного на мотиве дефицита меньше, чем мотивированного избыточно.* Примером последнего выступает неравновесный паритет между двумя мировыми лидерами времен биполярной конфронтации. США и СССР стремились к экспансии, но не рисковали нападать друг на друга. Взаимная неприязнь не вытесняла рациональное осознание лидерами сверхдержав международной реальности. Управление конфликтом при поведении на основе мотива дефицита затруднен, поскольку субъект сосредоточен на цели, которая в его глазах является жизненно важной. В этом случае управление конфликтом возможно преимущественно путем его замораживания или, напротив — бесконечной эскалации вплоть до уничтожения источника конфликта.

Уточнение понятия конфликта облегчает задачу упорядочения имеющихся классификаций типов конфликтного поведения в международной политике. Логика в данном случае может состоять в попытке типологизации по признаку целей (мотивов) действия конфликтующих¹⁸.

Обзор имеющихся взглядов и обобщение закономерностей, еще не нашедших

них отражения, позволяет предположить возможность выделения четырех **мотивационных** типов современных международных конфликтов: ресурсный, игровой, демонстрационный и девиантный. Соответственно, к группе ресурсных конфликтов относится подтип конфликтов за лидерство понимаемого как комплексный ресурс. Группа демонстрационных конфликтов подразделяется на пенитенциарные, протестные и аффективные подтипы, а группа игровых включает в себя подтип провоцирующего конфликтного поведения.

2

Ресурсный тип конфликтного поведения характеризует стремление субъекта или субъектов добиться прямого или косвенного перераспределения в свою пользу какого-то искомого ресурса. Современное прочтение этого тезиса далеко не исчерпывается духом и буквой дискуссий о конкуренции за сырье, топливо и рынки сбыта.

Ресурс, который может порождать конфликт сегодня, это — и материальные, и нематериальные блага. С одной стороны, например, ресурс подчинения экономико-производственного потенциала иностранного государства, человеческий ресурс, собственно территория, полезные ископаемые. С другой — ресурс международного влияния, внутриполитическая мобилизация собственной страны. Допустим, российско-американские отношения в поясе нынешних и бывших стран-участниц СНГ — конфликт двух стран за ресурс влияния на эти государства и вряд ли может быть понят как-либо иначе.

Наконец, поскольку *глобальное и региональное лидерство, вернее формальный и неформальный статус, связанный с его приобретением, само по себе является комплексным ресурсом, то и межлидерская конкуренция в международных отношениях на всех их уровнях — вариант современного ресурсного конфликта.*

Ресурсный тип конфликтного поведения применяется сознательно, в его основе лежит расчет. Избыточная форма этого типа конфликтности — классическая

борьба за ресурсы, «жизненное пространство». Российский политолог Э.Я. Баталов упоминает в этой связи прежде всего, но не исключительно, вопросы «... обеспечения сырьевых ресурсов и в первую очередь — интересы энергоносителей; проблемы обеспечения геоэкономических плацдармов гарантирующих устойчивый и относительно безопасный и дешевый доступ к этим ресурсам; проблемы обеспечения жизненного пространства для стран с быстро растущим населением»¹⁹.

Различают спектр видов конфликтности этого типа: демографическая — за квалифицированные кадры («утечка мозгов»), за наиболее благоприятные позиции в международном разделении труда (кто производит и экспортирует, а кто покупает технологии). Превращенный вариант ресурсной конфликтности представляет собой преимущественно экономикополитическую борьбу наиболее развитых стран за стабильность той структуры мировой экономики, в которой они исторически заняли выгодные позиции. На этот счет В.А. Кременюк замечает, что «борьба за стабильность [мировой] системы сама по себе вызывает дестабилизацию»²⁰.

При доминировании мотива дефицита конфликт может возникнуть как попытка одной стороны «компенсировать» этот дефицит путем прямого захвата (аннексия Кувейта Ираком в 1990 году). Во внутренней политике мотив дефицита способен проявляться, например, в виде показательных репрессий, когда они используются для целей политической мобилизации («бей своих, чтобы чужие боялись») ²¹.

Изохронная форма ресурсной конфликтности с преобладанием мотива дефицита — попытки некоторых малых и средних государств, условно говоря, «пополнить» свой ограниченный потенциал (влияния, например) за счет ресурса мощных иностранных покровителей. Таков тип внешнеполитического поведения Грузии, стран Прибалтики, отчасти Польши и Украины во второй трети 2000-х годов. В разрешении своих реальных и мнимых противоречий с Россией они регу-

лярно пробовали «присоединить» к себе дипломатический ресурс США и некоторых других государств НАТО.

Лидерский подтип ресурсной конфликтности, конечно, заслуживает особого внимания. В ее основе не просто борьба амбиций и нервные реакции элитных групп. В конфликтах лидерского типа, какой бы теоретико-философской ни была их формальная основа, имеется ресурсная составляющая. Все дело в том, что она долгое время не осознавалась в качестве таковой аналитиками, поскольку относительно поздно в фокус их внимания попало само понятие организационного ресурса²². С этой точки зрения лидерство — прежде всего обладание им.

Избыточная форма лидерской конфликтности проявляется в форме межгосударственной конкуренции. Российский международник А.Д. Богатуров отмечал, что «лидерские амбиции характерны для огромного круга стран, а ревность к чужому лидерству столь же конфликтогенна, сколь агрессивна бывает реакция лидеров на попытки аутсайдеров это лидерство оспорить»²³. Данный тип конфликтности мало зависит от природы участников — в том смысле, что он существует и в рамках интеграции.

Конфликтный характер современного мирового развития кроется не столько в разновекторности и нелинейности развития, сколько в том, что вся эта разновекторность после распада СССР впервые оказалась в рамках формирующейся единой мировой политической системы²⁴. Вместе с тем на смягчение лидерской конфликтности среди развитых стран работает рост разрушительного потенциала их вооружений. Взаимное военное сдерживание и устрашение способствует переходу конкуренции из военно-стратегической в экономическую плоскость.

Конфликты лидерского подтипа с преобладанием мотива дефицита исторически часто принимали насильственные формы. Вместе с тем в последние десятилетия силовые схватки между странами-лидерами стали редкостью. Чаще страны-лидеры

применяют силу против заведомо более слабых стран или при столкновении с нетрадиционными субъектами конфликтов (террористическими сетями, партизанскими движениями и т.п.). С этим связано бурное нарастание в 1990-х — 2000-х годах асимметричных конфликтов и соответствующих научных исследований²⁵.

К конфликтам лидерского подтипа можно отнести весь спектр этнополитических конфликтов и конфликты самоопределения, а также межэтнические конфликты, вытекающие из проблем миграции. Конфликт между различными этническими группами почти всегда воспринимается ими крайне драматично — как ценностный конфликт, как борьба за самосохранение²⁶. Российский ученый В.Г. Барановский писал, что этнополитические конфликты «замешаны на причудливой смеси синдромов взаимного отторжения, комплексов превосходства и неполноценности, ценностной несовместимости по самым разным основаниям»²⁷.

В практике международной политики сохраняется и продолжает видоизменяться **игровой тип** конфликта, который можно трактовать и как своего рода форму и инструмент сотрудничества. Граница между конфликтом и сотрудничеством в таких случаях условна в том смысле, что одни участники системы не стремятся к чрезмерному уменьшению выгод других ее участников. Таким образом, речь о конфронтации не идет. Игровая конфликтность способствует сбросу накопившегося напряжения, не позволяет начаться настоящему конфликту. Игровой конфликт — конфликт по правилам, часто неписаным, но соблюдаемым. Он может иметь одной из сопутствующих целей удовлетворение от победы (условной) и удовольствие от демонстрации своей готовности сразиться с оппонентом. В основе этого типа конфликтности — тоже расчет, интерес.

Отличием игровой формы конфликтного поведения является стремление сторон выставлять напоказ формальные аспекты противоборства. Типичная игровая ситуация такого типа — полувековое

противоборство между КНР и Тайванем («стабильная нестабильность»). Более опасными вариантами игровой конфликтности могут выступать отношения Пакистана и Индии, особенно после 1998 года²⁸. А менее угрожающим — «газовые войны» Украины с Россией при правлении блока В. Ющенко — Ю. Тимошенко.

Нидерландский историк Й. Хейзинга писал о том, что в самом общем смысле игровой момент в конфликтном взаимодействии возникает в ту минуту, когда воюющие стороны начинают рассматривать друг друга в качестве достойного уважения противника, а цель войны — как правое дело²⁹. В этом взаимном отношении заложено ядро будущего компромисса. Логика подсказывает конфликтующим, что если противник достоин сражения с ним, то конфликта можно и избежать. Пример игровой конфликтности дает международное сотрудничество в области безопасности. Американский конфликтолог Дж. Гриeko с позиции структурного подхода отмечал, что оно возможно только тогда, когда каждый из участников этого процесса удовлетворен в равной степени³⁰.

Любой конфликт организует отношения сторон по двум направляющим: соперничество — сотрудничество. Соперничество — это конфликтное содержание отношений, а сотрудничество формирует рамки конфликта, его структуру и правила поведения. При обоюдной игровой форме конфликтного поведения соперничество перестает быть антагонистическим — стороны переходят из разряда «враг» в разряд «не союзник, но и не противник» (РФ-США). Военная сила перестает играть роль средства *исключительно* устрашения, становясь *отчасти* и объектом общей озабоченности.

Целью игрового конфликтного взаимодействия становится удержание конфликта в строго определенных рамках максимально продолжительный срок. Указанное наблюдение было научно обосновано в начале 1960-х годов в работах американского психолога Г. Олпорта, который сформулировал положение о том, что

средство достижения цели может подменить собой цель и само по себе стать источником удовлетворенности (может стать самоцелью)³¹.

Бытийная форма игровой конфликтности описана американским ученым и политиком Г. Киссинджером в известном высказывании о том, что мир невозможен без равновесия, а справедливость — без самоограничения³².

Поиск инструментов управления конфликтом в условно «безвыходных» игровых ситуациях дал необычный результат в виде разросшегося направления игрового моделирования стратегии держав в конфликте. Классик этого направления Т. Шеллинг является единственным ученым-международником, который был удостоен Нобелевской премии³³. В работе 1960 г. «Стратегия конфликта» он показал, что фактор неизвестности и сознательного сужения своих возможностей одной из сторон может сыграть положительную роль с точки зрения управления конфликтом³⁴.

Исходя из того, что конфликт по природе способен быть совместимым со становлением, сохранением и развитием политической целостности той общности, в рамках которой он происходит³⁵ игровая конфликтность в наибольшей степени отвечает задаче институционализации макросоциального конфликта. Конфликт в этом случае оказывается практическим введением в стабильность.

Вариантом игрового типа конфликтного поведения предстает его провоцирующий подтип, когда субъект потенциального столкновения не стремится к большой войне, а скорее, пробует выявить намерения оппонентов или побудить их вступить с ними в негласный или гласный торг по поводу того, что в идеале должно вылиться в правила предстоящей «договорной конфронтации».

При провоцирующем типе конфликтного поведения задачей «провокатора» является получение дополнительной информации, стимулирование развития событий, игра «проб и ошибок». В основе

избыточной мотивации — расчет, интерес, исходящий из потребности в познании и понимании. Примерами этого типа поведения может служить военная тактика «разведки боем». В сфере международных отношений провоцирующим поведением на протяжении уже десятилетий отмечаются действия правительств Ирана, Северной Кореи, Белоруссии. Долгие годы к нему тяготела Ливия — до ее примирения с ЕС в начале 2000-х годов.

Избыточный провоцирующий тип конфликтного поведения лежит в основе сюжетов многих фильмов про контакт человечества с инопланетянами: земляне первыми применяют силу для того, чтобы выявить намерения пришельцев. Этот и другие подобные примеры раскрывают элемент условной патологии, заложенный в образе действия военных, их, как правило, принципиальной ориентации на увеличение военных расходов. Они условно накапливают некое количество насилия, и хоть часть его, но должна быть израсходована.

Провоцирующее конфликтное поведение с преобладанием мотива дефицита опирается на представление о безысходности, отсутствии иных вариантов разрешения травматической ситуации. Это неустойчивое, пограничное психологическое состояние. В литературе указывается, что действия японских камикадзе и нацистских войск СС на заключительном этапе Второй мировой войны служат примерами такого типа.

Особый тип конфликтного поведения — **демонстрационный**, который выглядит как борьба за наказание виновного, средство негативного воздаяния за проступок. Причем подобное наказание всегда должно быть всем очевидным, бросающим по форме (не всегда по результатам). Только тогда достигается эффект гипотетического научения (teaching and learning), который для подобных конфликтов является одним из самых важных мотивов. Этот тип конфликтности связан с проблематикой этического. Демонстрационные конфликты проявляют себя как минимум в трех подвидах.

Первый из них — *собственно пенитенциарная конфликтность*. Конфликты возмездия хорошо известны на Западе, создавшем институт публичного права с присущими ему формальными системами поощрения и принуждения (Международный суд, миротворчество, принуждение к миру и т.п.). Гуманитарные интервенции и связанная с ними конфликтность — типичные пенитенциарные действия.

Но конфликты возмездия не чужды и Незападу. В них участвовал Китай (война с Социалистической Республикой Вьетнам в 1979 году). Мотивации такого рода многократно проявляли себя в конфликтах в Африке и всюду, где сохраняются элементы архаичного племенного уклада (например, обычай кровной мести или ритуального самоубийства).

Бытийная мотивация наказующей конфликтности использует наказание как инструмент управления поведением субъектов, что сближает ее с игровым типом конфликтного поведения. К этому типу можно отнести разновидность конфликта, которую российский политолог Д.М. Фельдман называл «безобъектной», возникающей на почве нарушения нравственных норм, покушения на личные или общественные убеждения и представления³⁶.

Действительно, современные объекты насилия определяются не идеологическими или геостратегическими соображениями, а ситуативно, в зависимости от того, соблюдают ли те или иные страны условно общепринятые правила поведения или нет. Принцип «этика выше права» стал фактически утверждаться с 1943 года, когда была принята Касабланская декларация, содержавшая норму о наказании военных преступников. В дальнейшем это позволило ставить вопрос о соблюдении прав человека в отдельных странах выше их суверенитета. С середины XX века пенитенциарные и рестриктивные меры военного и экономического характера (санкции, репрессалии) вошли в арсенал политики разных стран³⁷. Нападения НАТО на Югославию в конце 1990-х го-

дов неизменно преподносились как формы санкций, наложенных на репрессивный режим, нарушающий права человека. Характер репрессивной акции с элементами превентивной войны носили обе войны США против Ирака.

Дефицитарная форма пенитенциарной конфликтности воплощается в идеях мести и политического реванша³⁸. Примерами этого типа поведения служат политика нацистской Германии между двумя мировыми войнами и вот уже полвека сохраняющаяся хроническая обида радикальных исламистов на правительства Израиля по поводу отсутствия прогресса в ближневосточном урегулировании. Показательно, что логику конфликта в целях «справедливого наказания» (за несправедливое обращение) широко используют экстремисты. В заявлении У. бин Ладена в связи с терактами 11 сентября 2001 г. говорилось: «То, что Америка сейчас переживает, несравнимо с тем, что многие годы чувствовали мы — унижение на протяжении 80 лет»³⁹.

Одним из наиболее идеологизированных подтипов пенитенциарного конфликта является протестный. Его субъект рассматривает конфликт как средство защиты своих интересов. Различают пассивную и активную формы протеста, однако обе они по форме и в глазах их инициатора неизменно преследует негативную цель (самозащита).

Избыточно мотивированный протестный тип поведения представляет собой «активную оборону» (отражение Советской Россией интервенции, стратегия США по «окружению» СССР, политика СССР на первом этапе Второй мировой войны). В этом же ряду — попытки международных экономических санкций против Советского Союза в связи с введением военного положения в Польше в 1982 году, а также такие уже курьезные факты, как сохранение поправки Джексона-Вэника или затягивание процедуры (по сути — неявное препятствование) вступлению России в ВТО.

Мотив дефицита доминирует при таком поведении, которое вызвано реакци-

ей на неотвратимые и нежелательные изменения. Пассивным формам конфликтности такого рода посвящены работы принстонской школы «исследования сопротивления» (resistance studies) под руководством Дж. Скотта⁴⁰. В сфере внутренней политики пассивные поведенческие стратегии конфликта включают такие формы действия, как абсентеизм (отказ голосовать) или саботаж выборов. Неудачной формой таких конфликтов в дипломатической практике были попытки советских представителей бойкотировать заседания Совета Безопасности ООН, совпавшие с началом войны в Корее в 1950 году, и отказ советской делегации от подписания Сан-Францисского мирного договора в 1951 году.

Активными политическими формами протестной конфликтности с преобладанием мотива дефицита в 2000-х годах можно считать попытки республиканских администраций США внедрить в мировую практику идеи смены режимов, политика которых не соответствует американскому пониманию международных норм или защиты прав человека. В историческом контексте — это стратегия США по «отбрасыванию коммунизма» в 1950-х годах.

Пласт активной конфликтности этого рода пересекается с патологическим поведением. Речь идет о протестно мотивированном терроризме со стороны маргинализированных кругов периферийных стран. Некомпетентность и неспособность использовать законные средства удовлетворения своих интересов толкает этих отчаявшихся на преступления. Это ставит терроризм в разряд политико-психологических, социально-патологических явлений⁴¹.

Но прежде чем перейти к его разбору, важно выделить еще один подвид демонстрационной конфликтности — *аффективный*. Он реализуется как рефлекс, нерациональная гиперреакция на относительно случайное или даже малозначительное раздражение, провоцирующее действие неожиданно и непропорционально большой мощности. Во всех известных случаях

аффективная реакция была связана с желанием субъекта произвести максимально сильное впечатление — на сограждан⁴² и/или мировое общественное мнение.

Избыточный аффективный мотив опаснее того, который мотивирован условным дефицитом. Хотя цель такого поведения не является жизненной, «праведный гнев» пострадавшей стороны может вести к гротескно неадекватной реакции на раздражение. Примером служит поведение США после терактов 11 сентября 2001 года. Нападение США на талибов, конечно, выглядит сегодня как своего рода предопределенность, обусловленная сознательным стремлением республиканского истеблишмента продемонстрировать миру «кто в нем главный». В этом смысле «если бы талибов не было, их следовало бы выдумать». Но очевидно и другое: в Вашингтоне существовал принципиальный настрой на силовую демонстрацию где-либо в мире, но не было понимания, когда именно, где и против кого такая демонстрация потребует конкретно. В этом смысле ситуация с войной в Афганистане была спонтанной, а решение о ее начале — реакцией аффективной конфликтности.

Отражая настроения значительной части американского общества, ведущий аналитик РЭНД, известный специалист по борьбе с терроризмом Б. Хоффман, критикуя принцип «соразмерности» ответной реакции на теракты, давал пример явно «аффективной аналитики»: «Требуется ответ небывалой решимости и целеустремленности, применение всего диапазона мощных средств — дипломатических, военных, экономических»⁴³.

Аффективная конфликтность, мотивированная дефицитом, менее опасна. Хотя цель субъекта является жизненной, его действия связаны с самосохранением и носят, зачастую, ограниченный и непоследовательный характер. Примером подобного поведения служат импульсивные, но неподготовленные действия ГКЧП во время попытки переворота в СССР в 1991 году. В случае, если бы ре-

жим С. Хуссейна в 2003 г. действительно применил ОМУ по наступающим войскам «добровольной коалиции», это действие можно было бы квалифицировать как мотивированную дефицитом аффективную конфликтность.

Аффективная конфликтность при любой мотивации слабо поддается управлению. Ее воздействие на стабильность международной системы можно описать метафорой «слона в посудной лавке», поскольку этот тип поведения основывается на нерациональной реакции. Но управление аффективными реакциями может оказаться сравнительно легким, если они не усугубляются и не перерастают в явно **девиантное конфликтное поведение**.

Этот тип представляет собой конфликт как результат патологии. Субъект конфликтного действия решается на болезненно мотивированное насилие, обретающее самостоятельное значение. Как правило, такой конфликт чрезвычайно сильно связан с личностью лидера соответствующей страны, его психической конституцией и личностной структурой.

Субъект дает девиантные (патологические) реакции, когда ощущает себя в ситуации, разрешить которую он не может, но очень *хочет* или, как он полагает, *должен* разрешить⁴⁴. Патологический тип конфликтного поведения ценностно мотивирован и поэтому на него трудно повлиять. Избыточная мотивация конфликтности патологического типа очень опасна, хотя цель такого поведения не является для субъекта жизненной. Различают несколько ее разновидностей.

Патологическая враждебность. Эта разновидность объединяет всех субъектов (от радикальных исламистов до милитаристов из демократических стран), для которых мир не является ценностью, а насилие выступает основным методом самоутверждения. С помощью насилия террористы добиваются (нередко успешно) международного признания (в середине прошлого века — Ясир Арафат, а в 2000-х годах — «Хамас»), моральной победы над врагом, осуществления миссии на земле⁴⁵.

Пример конфликтного сознания, возникающего при отрыве войны от политических целей, встречается у выдающегося прусского военного теоретика К. Клаузевица: «Все усилия должны быть направлены на достижение [выгодного мира] возможно более надежным способом, и нет той временной жертвы, которую можно было бы считать чрезмерной»⁴⁶. В.А. Кременюк отмечал по поводу влияния республиканской администрации на формирование настроения нетерпимости в американском обществе после событий 11 сентября 2001 года: «Некто может сыграть на темных, порочных сторонах натуры целого народа и тем самым создать совершенно иной морально-этический климат в обществе»⁴⁷. В российской практике примером патологической враждебности к сослуживцам выступает «дедовщина», укоренившаяся в военной службе в СССР в конце 1950 — начале 1960-х годов после перехода к массовому призыву на военную службу амнистированных уголовных преступников.

Патологический эгоизм проявляется в форме индивидуалистического национализма, когда гордость за себя совмещается с мессианским стремлением менять других по своему подобию. Популярный американский политолог либерального направления Ф. Фукуяма заметил о США: «Страна, которая ставит защиту прав человека во главу угла своей внешней политики, в лучшем случае тяготеет к бесполезному морализаторству, а в худшем скатывается к безнаказанному насилию во имя морали»⁴⁸. В этом смысле американский национализм столь же конфликтогенен, сколь и этноконфессиональный национализм малых народов, замешанный на комплексе неполноценности.

Патологический инфантилизм как неосознанный или полусознательный уход от мыслей об ответственности за свои действия посредством вытеснения неприятных ассоциаций (советов, аргументов) из сферы продумывания и подготовки предстоящих решений. Природу этого явления Й. Хейзинга усматривал в привычках из-

балованного ребенка к отсутствию ограничений, легкому удовлетворению любых, в том числе явно ложных и избыточных, потребностей, дефиците моральных ограничителей, этики добровольного самоограничения, жертвы в пользу ближнего, самодисциплины. В этом смысле он с осуждением пишет о легко удовлетворяемой, но никогда не насыщаемой потребности в банальных развлечениях, жажде грубых сенсаций, тяге к массовым зрелищам⁴⁹. К стимуляторам девиантного поведения он относил также отсутствие иронии и самоиронии, обидчивость на внешние раздражители, стремление к экзальтации и преувеличениям (в том числе своей роли), подозрительность, нетерпимость, чувствительность к лести.

Для инфантильной конфликтогенности может быть характерна маниакальность лидера, его истерическая взвинченность от усталости, острой и скрываемой неуверенности в себе, депрессий, завышенных ожиданий от реализации «сверхидеи» (свержения правящего режима в отсутствие какой бы то ни было конструктивной программы действия после захвата власти, например)⁵⁰. Конечно, девиантное поведение нередко связано с совсем другой траекторией развития личности лидера и его иными качествами — фанатизмом во всех его разновидностях прежде всего. Как типы лидеров «баловни»/«капризники» и «аскеты» в этом ряду стоят в одном ряду, хотя вторых явно больше.

Вспышки девиантной конфликтности подобного рода в разные исторические периоды были связаны с импульсивными и экзальтированными лидерами типа М. Каддафи, М. Саакашвили, Р.М. Хомейни, М. Ахмадинежада, У. Чавеса (и некоторыми иными поборниками «левого поворота» в Латинской Америке)⁵¹. Психологическими комплексами сходного типа была окрашена в 2000-х годах внешнеполитическая деятельность правительства Ю. Тимошенко на Украине.

Среди исторически одиозных девиантных типов — Дж. Савонарола, А. Гитлер,

И. Сталин, Пол Пот, но, конечно, далеко не только они.

Мотив дефицита в сочетании с патологически конфликтным поведением менее опасен, хотя цель действий субъекта представляется ему жизненноважной. Невротик воспринимает мир как опасный и враждебный. Все неизвестное и неожиданное вызывает испуг, при этом страх обусловлен психологической угрозой. Дефицитно мотивированный невротик проникнут неизбежным стремлением к безопасности. Он постоянно подсознательно ищет себе защитника⁵², союзника, на которого можно положиться, и которого он не находит. Показательна параллель к концепциям «сверхбезопасности» (hypersecurity) и «абсолютизации безопасности» (securitization) в литературе 2000-х годов.

Строго говоря, выделение девиантного типа конфликтного поведения само может показаться избыточным теоретизированием. Задача анализа не состоит в том, чтобы квалифицировать все формы насильственных конфликтов как патологию. Смысл сказанного в ином: важно понимание условий радикализации или дерадикализации внешнеполитического поведения лидеров, а это бывает нередко связано с учетом структуры их личностей. В этом смысле настрой статьи созвучен подходам современных социо-психологических исследований терроризма в США и Британии⁵³.

3

Предложенная классификация, разумеется, не может быть стопроцентно строгой — прежде всего потому, что большинство современных международных конфликтов имеют сложную природу, и отдельные их характеристики могут попадать в разные графы любого мыслимого классификатора. Например, война США в Афганистане — это преимущественно демонстрационный конфликт аффективного типа. В то же время ему присущи элементы характеристик ресурсного конфликта в его лидерской форме. Задача аналитика в этом смысле — определить,

каким конфликт является преимущественно и в тенденции.

Более того, в силу присущей им динамики конфликты могут «перемещаться» в рамках аналитической матрицы из одной категории в другую. Игровой («договорный») конфликт в Тайваньском проливе теоретически может однажды стать настоящим ресурсным конфликтом. Сходным образом может развиваться ситуация в Корее или Южной Азии.

Наконец, девиантный конфликт с участием М. Саакашвили в 2008 г. чуть было не вылился в настоящий конфликт — ресурсный или демонстрационный. Поэтому фактор трансформации конфликтности и шансов развития конфликтности в том или ином направлении — важнейшая сопутствующая задача аналитика, для которого классификация конфликтности всегда будет только промежуточным этапом работы, тогда как ее целью — прогноз развития.

Стоит добавить, что при оценке мотивов поведения следует учитывать возможность столкновения разных «ярусов» мотиваций участников конфликта. Важно делать поправку на влияние как внешних условий, так и особенностей психологического состояния обществ, элит, индивидов. При этом может приобретать особое значение фактор асимметрии мотиваций, отмеченный в работах видного американского конфликтолога А. Рапопорта⁵⁴.

На основании предложенной классификации возможна постановка трех типов задач. *Во-первых*, в целях управления конфронтацией важно диагностировать форму конфликтного поведения — собственную и противника — как можно точнее. *Во-вторых*, разумно выделить из спектра типов конфликтного поведения такие, которые препятствуют прагматичному подходу к урегулированию, и стремиться избегать их провоцирования. Особую опасность — и научный интерес — представляют непримиримые конфликты, в которых велика доля подсознательных реакций с элементами патологии. Наибольшую сложность при бытийной конфликт-

ности составляет сочетание патологической и наказующей мотиваций (типа «глобальной войны с террором»)⁵⁵.

В-третьих, разумно стремиться к сужению спектра возможных неадекватных форм поведения в конфликте путем трансформации конфликтов всех типов в игровую форму или неопасные формы провоцирующей конфликтности. Такой переход возможен при избыточной мотивации участников процесса управления конфликтом. Обе стороны в этой ситуации склонны прислушиваться к доводам рассудка: их можно устрашать, можно поощрять, а можно комбинировать обе тактики.

Управление конфликтом, в котором одна из сторон придерживается конфликтного поведения, мотивированного дефицитом, затруднительно. В отличие от избыточной, дефицитная мотивация деятельности субъекта опирается на его представления о собственных жизненно-важных интересах, а потому степень склонности к компромиссам невысока. Тем не менее управление этим видом конфликтности возможно по крайней мере несколькими способами.

Во-первых, оно может реализоваться *путем игнорирования и изолирования*, в ситуации, когда угроза слаба, а интерес к сотрудничеству с субъектом является второстепенным. Во-вторых — *путем перевода конфликтности в игровую форму* через изменение собственного поведения и создания стимулов для соблюдения противником «правил конфронтации». Это сложно осуществить при патологическом и аффективном вариантах конфликтности, однако попытки добиться результатов на этом направлении ведутся. На основе исследования опыта иракской кампании 2000-х годов в американской литературе появляются работы о преимуществах смены стратегии от «наказания» к «торгу»⁵⁶.

В-третьих, конфликтом можно управлять *путем трансформации мотива дефицита в бытийную мотивацию*. Несомненно, это трудоемкий, долгий и дорогой процесс. Но он может быть эффективным

в конфликтах смешанного типа. При таком подходе к управлению конфликтом, развитая страна должна трезво оценить уровни потребностей противника и выделить те из них, которые носят по-настоящему жизненный характер. Симптоматично в этом смысле появление первых научных работ по проблеме справедливости в переговорах и урегулировании конфликтов⁵⁷.

Ученые близки к консенсусу о том, что насилие не только не способно разрешить конфликт, но и способствует перерастанию конфронтации в антагонизм. А. Маслоу верил, что человечество движется к бесконфликтному будущему через самосовершенствование человека. Российский политолог Ю.П. Давыдов, соглашался с ним: «Процесс глобализации, размывая основную структуру современного мира — государство, объективно подрывает основы насилия»⁵⁸. В.А. Кременюк тоже полагает, что насильственный конфликт уходит в прошлое. Движение к миру без конфликтов видится ему на основе управления конфликтами с конечной целью «выйти на такую организацию международной среды, которая сделает невыгодными военные решения»⁵⁹. Задачей такого управления, по мысли Н.А. Косолапова, может стать «перехват» назревающего конфликта, его искусственное провоцирование и направление в русло управления конфликтными отношениями с тем, чтобы снизить издержки его протекания и облегчить его разрешение⁶⁰.

Предлагаемая классификация подчинена задаче уточнения границ между реальными, мнимыми и патологическими стимулами конфликтного поведения. Ее практическое назначение — найти дополнительные рациональные основания разработки стратегии в конфликте, которая основывалась бы на стремлении наладить сотрудничество в рамках конфликтного взаимодействия. При этом важно самим избежать бессознательных патологических и провоцирующих реакций.

Резюме

Анализ и прогноз развития субъективного элемента международных процессов – мышления, поведения, процесса выработки и принятия решения, формулирования внешнеполитической стратегии – нередко требует отказа от исключительной опоры на структурные версии классических теорий международных отношений, отдающих приоритет системе и занижающих значимость воздействия на ситуацию ее отдельного участника. В статье предлагается версия теоретического инструментария для анализа различных фаз поведения субъекта международной ситуации, вовлеченного в конфликт. В основе анализа поведения в конфликте лежат мотивационные типы, побуждающие участника к конфликтному поведению: ресурсный, игровой, демонстрационный и девиантный.

Ключевые слова: международный конфликт, теория международных отношений, конфликтное поведение, конфликтология.

Abstract

Many researchers observe that structural versions of mainstream IR theories allow less in explaining and projection of actor-driven international processes: thinking, conduct, decision-making and foreign policy strategy elaboration. To a considerable degree that is a product of overemphasis on structural level analysis of international system. Theoretical model proposed here is aimed at research of actor's international conflict conduct on different stages. Four distinct types of motivation account for why states conflict with each other: rational urge for resources, political game and demonstrational effect along with irrationally driven deviance.

Key words: international conflict, theory of international relations, conflict conduct, conflict studies.

Примечания

¹ Его предложения о модификации стратегии США в отношении СССР после окончания Второй мировой войны по сути прежде всего отражали понимание Дж. Кеннаном истоков «советского поведения». См.: *Kennan G.F. The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. 1947. Volume 25. Issue 4. Pp. 566–582.*

² *Кременюк В.А. Международные конфликты: проблемы управления и контроля. М.: ИСКРАН, 2006. С. 31.*

³ *Walt S.M. Alliance Formation and the Balance of World Power // International Security. 1985. Volume 9, Issue 4. Pp. 3–43.*

⁴ *Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison–Wesley, 1979.*

⁵ Так, одна из самых ценимых классиком либеральной мысли А. Смитом его собственных работ была посвящена «теории нравственных чувств». См.: *Smith A. The Theory of Moral Sentiments // The Philosophical Quarterly. 2002. Volume 1, Issue 3.*

⁶ Начало их расцвета пришлось на 1950–1960-е годы, когда издаваемый в США «Журнал оф конфликт резолюции» (*Journal of Conflict Resolution*) открыл плодотворную дискуссию об урегулировании и разрешении конфликтов не силовыми способами.

⁷ *Jervis R. Perception and Misperception in International Relations. Princeton: Princeton University Press, 1976.*

⁸ Вышедшая под его редакцией в 1965 г. книга по теме социально-психологических аспектов международных отношений содержала 46 глав, из которых лишь одна была написана профессиональным политологом. См.: *Human Behavior and International Politics: Contributions from the Social–Psychological Sciences / Singer J.D. (ed.) Chicago: Rand McNally, 1965.*

⁹ Теоретически фундированные исследования проблем соотношения субъективного и объективного в рамках методологии марксизма даны в работах отечественного теоретика Н.А. Косолапова: *Косолапов Н.А. Социальная психология и международные отношения. М., 1983; он же. Политико-психологический анализ социально-территориальных проблем. М., 1994.*

¹⁰ *Frank J. Sanity and Survival. Psychological Aspects of War and Peace. N.Y., 1967.*

¹¹ *Lasswell H. Psychopathology and Politics. Chicago, 1934; Kisker G.W. (ed.) World Tension. Psychopathology of International Relations. N.Y., 1951; Farber M. Psychoanalytic Hypotheses in the Study of War // Journal of Social Issues. 1955. Vol. 11, No. 1.*

¹² *Maslow A.H. Motivation and Personality (2nd ed.) N.Y.: Harper & Row, 1970.*

- ¹³ *Boulding K.* Conflict and Defense. A General Theory. N.Y., 1962; *Idem.* General Systems as a Point of View // Views on General Systems Theory / Mesarovich M., ed. N.Y., 1964.
- ¹⁴ *Burton J.* Conflict: Resolution and Prevention. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, London, 1990.
- ¹⁵ *Ковалев В.В.* Дефицитарный тип формирования личности // Толковый словарь психиатрических терминов. М., 1976.
- ¹⁶ *Хрусталева М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М., НОФМО, 2008. С. 55. Автор выделяет жизненно важные, основные и второстепенные интересы государства.
- ¹⁷ В отечественной социально-психологической литературе представлены и определения конфликта (конфликтного поведения) как преимущественно негативного явления: См.: *Леонов Н.И.* Конфликты и конфликтное поведение. Методы изучения: Учебное пособие. СПб: Питер, 2005.
- ¹⁸ Развитию политико-психологической типологии конфликта также посвящена работа отечественного политолога Н.А. Косолапова. См.: *Косолапов Н.А.* Политико-психологическая типология конфликта // Социологический журнал. 1996. № 3, 4.
- ¹⁹ *Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: РОССПЭН, 2005. С. 50
- ²⁰ *Кременюк В.А.* Указ. соч.
- ²¹ *Burton J.* People, States and Fear. The National Security Problem in International Relations. Brighton, 1983.
- ²² Первым к этой теме обратился японский исследователь А. Танака. См.: *Tanaka A.* Is There a Realistic Foundation for a Liberal World Order? // Prospects for Global Order. Vol. 2 / Ed. by S. Sato and T. Taylor. London: Royal Institute of International Relations, 1993.
- ²³ *Богатуров А.Д.* «Конфликты децентрализации» мировой системы // Экономика и политика в современных международных конфликтах. Отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 2008. С. 33.
- ²⁴ *Лебедева М.М.* Рефлексия конфликтов: новое качество «старых» ситуаций // Экономика и политика в современных международных конфликтах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 2008. С. 111.
- ²⁵ *Paul T.V.* Asymmetric Conflicts: War Initiation by Weaker Powers. Cambridge: Cambridge University Press, 1994; *Merom G.* How Democracies Lose Small Wars: State, Society, and the Failures of France in Algeria, Israel in Lebanon, and the United States in Vietnam. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; *Arreguin-Toft I.* How The Weak Win Wars: Theory of Asymmetric Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; *Степанова Е.А.* Государство и человек в современных вооруженных конфликтах // Международные процессы. Том 6. Номер 1(16). Январь-апрель 2008; *Stepanova E.* Terrorism in Asymmetrical Conflict: Ideological and Structural Aspects. SIPRI Research Report 23. Oxford: Oxford University Press, 2008; *Mudren S.W.* The Problem of Force: Grappling with Global Battlefield. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2009; *Дериглазова Л.В.* Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. Томск: Изд-во Томского университета, 2009.
- ²⁶ *Звягельская И.Д.* Этноконфессиональные конфликты современности и подходы к их урегулированию // Конфликты и кризисы на Востоке: Этнические и конфессиональные / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 35.
- ²⁷ *Барановский В.Г.* «Соблазн экономизации» исследований о конфликтах // Экономика и политика в современных международных конфликтах. Отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 2008. С. 51.
- ²⁸ В 1998 г. Индия и Пакистан совершили ядерные испытания. – *Прим. ред.*
- ²⁹ *Хейзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга; Пер. с нидерланд. В. Ошиса. – М.: АСТ, 2004. С. 150.
- ³⁰ *Grieco J.* Cooperation Among Nations. Ithaca (N.Y.), 1990. P. 2–4.
- ³¹ *Allport G.* Personality and Social Encounter, Boston: Beacon, 1960; *Idem.* Pattern and Growth in Personality, N.Y.: Holt, Rinehart Winston. 1961.
- ³² *Kissinger H.A.* The White House Years. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1979. P. 55.
- ³³ *Schelling T.C.* An Astonishing Sixty Years: The Legacy of Hiroshima. Nobel Prize Lecture. December 8, 2005.
- ³⁴ *Schelling T.C.* The Strategy of Conflict. Harvard: Harvard University Press, 1960.
- ³⁵ *Косолапов Н.А.* Конфликт как инструмент стабильности в международных отношениях // Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. / Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., НОФМО, 2004. С. 172–189.
- ³⁶ *Фельдман Д.М.* Конфликты в мировой политике. М., МГУ, 1997. С. 14.
- ³⁷ *Сидоров А.А.* Экономические санкции в международных конфликтах: опыт США // Кон-

фликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории // Проблемы американистики. Вып. 11. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 58–88.

³⁸ Lowenheim O., Heimann G. Revenge in International Politics // Security Studies. 2008. Volume 17. Issue. 4. Pp. 685–724.

³⁹ Text of Osama bin Laden's Statement // The Associated Press. – 2001. – October 7.

⁴⁰ Scott J. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Heaven: Yale University Press, 1987; *Idem*. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998; *Idem*. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Heaven, Yale University Press, 2009.

⁴¹ Burton J. Deviance, Terrorism and War: The Process of Solving Unsolved Social and Political Problems. London: Martin Robertson, 1979.

⁴² Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2008. С. 65.

⁴³ Хоффман Б. Терроризм и борьба с ним после 11 сентября // Внешняя политика США. Электронный журнал госдепартамента США. Том 6. Номер 3. С. 26.

⁴⁴ Маслоу А. Происхождение патологии // А. Маслоу / Мотивация и личность. СПб, 2008. С. 130–136.

⁴⁵ Lake E. Senior Qaeda Theologian Urges His Followers To End Their Jihad // New York Sun. – 2007. – December 20; Keath L. Bin Laden Asks Iraq Insurgents to Unite // The Associated Press. – 2007. – October 22.

⁴⁶ Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо, 2003. С. 544.

⁴⁷ Кременюк В.А. Указ. соч. Исчерпывающее развитие этой темы см. в работе: Шаклеина Т.А. Идеологическое обеспечение внешней политики администрации Дж. Буша. М., ИСКРАН, 2003.

⁴⁸ Fukuyama F. Natural Rights and Human History // The National Interest. 2001. No. 64.

⁴⁹ Хейзинга Й. Указ. соч. С. 326.

⁵⁰ Strategic Assessment 1995. US Security Challenges in Transition. Washington Institute for National Strategic Studies, 1995

⁵¹ Кулагин В.М. Нетленность авторитарности? // Международные процессы. Том 6. № 1 (16). Январь–апрель 2008.

⁵² Маслоу А. Указ. соч.

⁵³ Terrorists, Victims and Society: Psychological Perspectives on Terrorism and Its Consequences / Ed. by A. Slike. Chichester: Wiley Corp., 2003; Horgan J. Psychology of Terrorism. L.: Routledge, 2005; Sageman M. Understanding Terror Networks. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004; *Idem*. Leaving Terrorism Behind: Individual and Collective Disengagement / Ed. by T. Bjorgo and J. Horgan. Abingdon; N.Y.: Routledge, 2008; Merari A. Driven to Death: Psychological and Social Aspects of Suicide Terrorism. Oxford: Oxford University Press, 2010.

⁵⁴ Rapoport A. Fights, Games and Debates. N.Y., 1960; *Idem*. Models of Conflict: Cataclysmic and Strategic // Conflict and Society. L., 1966.

⁵⁵ Богатуров А.Д. «Конституционный кризис» в мировой политике // Космополис. Лето 2003. № 2 (4).

⁵⁶ Rose E. From a Punitive to a Bargaining Mode of Solutions: Lessons from Iraq // International Studies Quarterly. 2005. Vol. 49, No. 3.

⁵⁷ Albin C. Justice in Negotiations. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; Getting it Done: Post-Agreement Negotiation and International Regimes. Ed. by B. Specter and I.W. Zartman. Wash.: USIP Press, 2003; Peace Versus Justice. Negotiating Forward and Backward—Looking Outcomes / Edited by I.W. Zartman and V. Kremenyuk. N.Y.: Rowman and Littlefield, 2005.

⁵⁸ Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. Январь–апрель 2004. Т. 2. № 1 (4). С. 79.

⁵⁹ Кременюк В.А. Указ. соч.

⁶⁰ Косолапов Н.А. Конфликт как инструмент стабильности в международных отношениях. С. 187.